

ТАКОВА АМЕРИКА

(Продолжение. Начало
в «Удмуртской правде»
за 16 сентября)

Должен заметить — и это не только мое личное мнение, так же считают и мои товарищи по этой поездке, — что печать Соединенных Штатов, в основном, относилась к нам доброжелательно, называя нас «Цирком цирков», «Галактикой звезд» и т. д. Газеты, журналы, радио и телевидение не скупилось на самые лестные отзывы о наших мастерах — джигитах Северной Осетии, руководимых Дзерасой Тутановой, танцовщице на проволоке Нине Логачевой, воздушной гимнастке Галине Аласкиной, канатоходцах Лолите и Магомед Магомедовых, жонглере на лошади Николае Ольховикове, об акробатах-прыгунах во главе с Владимиром Довейко, буквально о всех участниках программы. Подчеркивая высокий профессиональный уровень наших клоунов, отсутствие в их репертуаре и манере игры эле-

ментов, унижающих человеческое достоинство, рецензенты указывали, что юмор Юрия Никулина и Михаила Шуйдина близок к чаплинскому.

В США хорошо знают и любят иллюзионное искусство, там много любителей-фокусников, состоящих в так называемом «братстве волшебников». И тем не менее наш Игорь Кио произвел там ошеломляющее впечатление, которое автор статьи в журнале «Нью топс» Милбури Кристофер выразил следующим образом: «Я видел иллюзионистов во многих цирках — здесь, в Египте, Франции, Англии, Японии и многих других странах, но то, что делает Кио, безусловно, самое яркое зрелище, которое можно увидеть на цирковой арене».

Между прочим, любопытные эпизоды имели место в связи с выступлениями Игоря Кио. Однажды в Нью-Йорке он на представлении раскрыл публике, как делается один из очень старых трюков — «распиливание женщины». Зрите-

ли восторженно встретили это «разоблачение», они горячо аплодировали, узнав секрет фокуса, который только что смотрели удивленно раскрытыми глазами. В цирке долго не смолкала овация — люди обычно любят узнавать, как их, в сущности без особого труда, ловко и весело, так сказать, дурачит артист.

В тот вечер, кажется, только и разговоров было, что об этом распиливании. А назавтра представителя здешнего «братства волшебников» заявили артисту официальный протест. Они, видите ли, усмотрели, в данном случае некое разглашение профессиональной тайны, разглашение, которое может иметь далеко идущие последствия. Ход их рассуждений, видимо, был таков: ежели каждый иллюзионист раскроет секреты по одному трюку, то в мире не останется вскоре ни одного чуда, ни одного волшебства, что, естественно, повлечет за собой автоматический распад «братства волшебников». А от-

сюда, мол, рукой подать до еще более существенных, социальных потрясений...

Так или иначе, но нам всем, исключая разве Игоря Кио, история эта доставила немало веселых минут.

Не могу удержаться, чтобы не рассказать еще один забавный эпизод, так же связанный с Игорем Кио. В финале своего выступления он обычно показывал такой трюк: из совершенно порожнего ящика — зрители имели возможность предварительно убедиться, что ящик абсолютно пуст, — артист непостижимым образом извлекал... двести великолепных белых голубей. Деловитое шуршание крыльев взлетающих под купол птиц сливалось всегда с громкими, восторженными рукоплесканиями публики.

И вот однажды в Лос-Анджелесе, после представления, водворяя голубиную стаю обратно в клетки, ассистенты нашего иллюзиониста не досчитались двух голубей. То ли они притаились в каких-то

недосыгаемых закоулках огромного зала, то ли во время ухода публики выбрались на свежий воздух, то ли попали в руки каких-то озорников из числа зрителей — так или иначе, з оба пернатых артиста исчезли. И вот по этому поводу газеты писали: «Два голубя Кио — единственные, кто предпочел остаться в Америке».

Я, однако, отвлекся несколько. Высокую оценку американские журналисты дали каждому номеру нашей программы, а уж Гому они хвалили совершенно безудержно. Мне даже иногда казалось, что это абсолютно непедagogично, но утешало то обстоятельство, что мой питомец при всей своей сообразительности так и не научился читать. По-английски, во всяком случае.

Ранним утром, когда мы еще только собирались начать репетицию, в цирк прибыла большая группа корреспондентов с магнитофонами, кино- и телеаппаратурой. Прямо у медвежьих клеток началась им-

провизированная пресс-конференция. Меня засыпали вопросами о нашей стране, о советских людях, но больше всего — о советском цирке.

Как мог, я старался подробно обо всем этом рассказать журналистам.

В общем, как я уже говорил, работники печати относились к нам хорошо. Но среди них были люди, старавшиеся при каждом удобном и неудобном случае как-то ужалить нас. С одним таким типом, довольно хорошо говорившим по-русски, мне как-то довелось в Нью-Йорке разговаривать часа полтора. Этот необычайно решительного вида высокий и смуглый господин, с густыми черными усами — ни дать ни взять какой-то предатель, нашедший прибежище за океаном, — брал у меня интервью. Но как? Будто не интервьюировал, а допрашивал. После очередного своего вопроса, он добавлял:

— Говорите только правду!

— Если сомневаетесь в том, что я говорю правду, то не стоит и продолжать...

— Нет, отчего же, это я, простите, на всякий случай...

— А я на всякий случай только правду говорю.

— Ну, хорошо, хорошо. Так вот...

И однако продолжал «допрашивать», ведя, тоже, вероятно, на всякий случай, двойную запись моих ответов — в блокнот и на магнитофонную ленту. Сперва расспросил о делах цирковых — о медведях, о принципах дрессуры и т. п. А вскоре перешел на проблемы от цирка весьма далекие.

— Как вы расцениваете войну во Вьетнаме?

— Помогают ли советские профсоюзы трудящимся?

— Кто из вашего коллектива состоит в КПСС?

На все эти вопросы я дал ему исчерпывающие и недвусмысленные ответы, которые он, как мне показалось, чрезвычайно недовольно заносил в блокнот, особенно когда я сказал, что каждый из нас предан всей душой и сердцем нашей великой Коммунистической партии.

(Окончание следует)